

: i p̄nā p̄tq̄mā lōp̄t̄i ānōrōr̄n̄ :

№15

Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга

НАНАНТИР

Сентябрь-Октябрь
1998

:: i p̄tōr̄n̄ :: ānōr̄i āyq̄t̄i :: t̄t̄ :: p̄p̄t̄n̄t̄ ::

ВНОМЕРЕ:

Из писем Толкина. (Пер.Золтана Бардинга и Моргул).	3
ТОРИН ЭЙКИНСКЪЯЛДИ. Комментарии к "Властелину Колец".	6
НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВА. "Это не просто Кольцо, а какой-то прибор!".	14
М.КАМЕНКОВИЧ. Троянский Конь.	21
МОРГУЛ. Средиземье Тэда Насмита.	27

На последней странице - страница из поэмы "Приключения Тома Бомбадила". Толкин использовал эльфийский алфавит и "pointed style".
(The Silmarillion Calendar 1978.)

ПАЛАНТИР
№ 15 Сентябрь-Октябрь
1998

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Этот номер для вас делают:
Аратанве Зондил, Золтан Бардинг, Моргул, Торин
Эйкинскьялди*

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
E-mail: eondil@sut.ru; zoltan@home.ru 2:5030/441.3@FidoNet
Наш сайт: <http://www.tolkien.spb.ru>

Copyright ©1998, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

В оформлении использованы фрагменты рисунков Толкина.
Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэна Смита.

:: 𐌇𐌆𐌆 𐌵𐌆𐌆𐌆 𐌆𐌆𐌆𐌆 𐌵𐌆𐌆𐌆 : 𐌇𐌆𐌆𐌆 𐌆𐌆𐌆𐌆

Письмо #144. К Наоми Митчисон.

(Госпожа Митчисон по прочтении корректур первых двух томов "Властелина Колец" написала Толкину письмо со множеством вопросов относительно книги.)

25 апреля 1954 года. 76 Сэндфилд-роуд, Хадингтон, Оксфорд.

Дорогая госпожа Митчисон!

Очень невежливо и неблагодарно с моей стороны было бы не ответить на Ваше письмо, тем более, что Ваши письма всегда были для меня поддержкой в моменты отчаяния, которые естественны в таком деле, как публикация "Властелина Колец". Но так неудачно сложилось, что в последнее время я был очень загружен работой и совсем не имел возможности заняться почтой.

Я попробую ответить на все ваши вопросы. Я бы сказал - долгожданные вопросы. Я с удовольствием уделяю много внимания мелочам и люблю, когда на все разумные вопросы обеспечены ответы. Темы, которые Вас заинтересовали помогут мне выбрать материалы, которые войдут (как и было обещано) в приложение к "Властелину Колец". Так как третий том будет несколько тоньше первых двух (события развиваются быстрее, меньше требуется описаний и пояснений) надеюсь в нем останется немного места для приложений. И здесь моя проблема заключается не в сложности его написания, а в выборе из большого количества материалов, которые я приготовил.

Тут имеется, конечно, некоторое столкновение между "литературной" методикой и подробной разработкой мифической эпохи (мифической, а не аллегорической: я не пишу аллегориями). Для книги, я думаю даже лучше, когда многое не объясняется в тексте (особенно, если объяснение фактически имеется), с этой точки зрения я возможно делаю ошибку, пытаюсь описать слишком многое и давая слишком много пояснений. Из-за них, например, многим читателям утомительно было читать главу "Совет Элронда". И в мифической эпохе должны быть свои загадки, потому, что они есть во всякой эпохе. Том Бомбадил, к примеру, одна из тех загадок, которые я создал намеренно.

Так много подробных сказаний и хронологических сведений, как только мог бы пожелать любой читатель, содержится в "Сильмариллионе", а также в историях и поэмах, составляющих "Историю Эльдаров". Я полагаю, что в случае (кажется,

¶¶¶ : i bλγ ρϱϱ : γϱϱ ρϱϱϱϱ : ρ

на это можно надеяться), если многим понравится “Властелин Колец”, а его публикация окупится - любезные издатели возьмутся напечатать часть из этих собраний.

Фактически все это было написано до “Властелина колец”, и я собирался сначала выпустить произведение исторического характера, в котором было бы много намеков и недосказанностей - а объяснения уже в следующей книге. Но осуществить это мне так и не удалось.

Третий том был закончен мною годы назад, но по ходу развития событий повествования я серьезно пересмотрел его. Думаю, необходимость этого очевидна.

Сейчас я выбираю, какие фрагменты обширного исторического, этнографического и лингвистического опуса в сжатом виде должны войти в приложение. Если Вас заинтересует это, я вышлю копию (черновую) части, касающейся языков и письменности, народов и переводов.

Последние дали мне много пищи для размышлений. Другие создатели выдуманных миров, кажется, не считают нужным уделять им внимание, даже такие одаренные рассказчики, как, например Эддисон. Но я все-таки филолог, и более того, я хотел бы быть более точным и в тех культурных аспектах и особенностях, которые лежат вне пределов моей компетенции. Так или иначе - наиболее важен язык, которым ведется повествование и на котором разговаривают герои. Однако английский не мог быть в то время единым для всех народов. Вот что я сделал - фактически приравнял Вестрон (Общее Наречие Третьей Эпохи) к английскому и перевел таким образом всё, включая даже названия типа “Шир” - сделав лишь небольшие различия в стиле, чтобы показать диалекты. Полностью же отличные от Общего языка не были изменены; за исключением слов из Черного Наречия и нескольких боевых кличей гномов, это всё - языки Эльфийские (Элдарин).

Серьезная проблема, однако, возникла с языками, так или иначе связанных с Вестроном. Я трансформировал их в формы английского языка - так, Рохирримы, пришедшие с Севера и говорившие на Древнем Людском наречии, практически не затронутым влиянием Элдарина, у меня изъясняются на языке похожем (но не идентичном) Старому Английскому. Язык Дэйла и Долгого Озера, если появится в тексте, будет походить на один из Скандинавских, пока же он представлен только несколькими именами и названиями; и более всего - именами гномов из тех краев, которые все принадлежат Старо-Норвежскому языку. (Ибо гномы хранят свой язык в тайне, равно как и истинные имена, и для открытого общения используют имена из того языка, который в ходу там, где они живут.)

Вестрон, или Общее Наречие произошел от Людского языка “Адунаик”, на котором говорили Нуменорцы и который широко распространился в их царствах во Времена Королей, и особенно в Гондоре, где он достаточно хорошо сохранился в первоначальном виде - благородном и архаичном (кстати, Эльфы именно так и говорили на Вестроне). Однако, практически все имена в Гондоре есть форма Эльфийских, сохранившихся еще с тех времен, когда нуменорцы использовали Эльфийский для важных случаев. Ведь они были союзниками Эльфов в Первую Эпоху и в благодарность за это получили остров Нуменор.

В книге появляются два Эльфийских языка. Происхождение их различно, и я еще не вполне завершил их конструкцию и историю, которая будет основой для их взаимосвязи. По определению, они должны: (а) иметь форму и структуру европейских праязыков и (б) быть особенно приятны на слух. Последнего достичь нетрудно, а вот первое гораздо сложнее, учитывая различия в личных склонениях и особенно фонетической структуре, которая сильно изменяется под воздействием других языков.

Однако мне удалось этого добиться. Архаичный язык сказаний, который был своего рода Эльфийской Латынью, во многом сходен с латинским (за исключением

ᄂᄃᄅ ᄆᄇᄉ ᄊ ᄋᄌ ᄍᄎ ᄏᄐ ᄑᄒ ᄓ :

только того, что “Y” всегда является согласной, как в английском Yes) и это даже специально показывается. Фактически, он был создан на базе Латыни с добавлением ещё двух компонентов, которые доставляют мне “Фонозстетическое” удовольствие: Финским и Греческим. В результате, однако, осталось гораздо меньше согласных, чем в любом из трёх. Этот язык был назван Высоким Эльфийским, или, в его же наименовании “Квэнья” (Эльфийский).

Живой язык западных эльфов - Синдарин (или язык Серых Эльфов) - тот, что встречается особенно часто, особенно в названиях. Он создан на той же основе, что и Квэнья, но я специально ввел некоторые отличия, чтобы дать ему ту лингвистическую особенность, которая видна в уэльском по отношению к британскому: нюансы и тонкости, представляющие особенную притягательность для слушателя и хорошо подходящую к “Кельтскому” типу поведенных историй и легенд.

Слово “Эльфы” - не очень хороший перевод их самоназвания *Квэнди*. Внешне их народ очень подобен Людскому, но появился гораздо раньше. Я не буду сейчас останавливаться на их различиях с Людями! Могу только отметить что в них очень мало общего с теми существами, которых в сказках обычно называют “эльфами” и “феями”. Если бы я стремился всё упростить, я сказал бы, что Эльфы - это те же Люди, только с гораздо более развитыми способностями к творчеству и чувству прекрасного, более красивые внешне и с более длинной жизнью, облеченные настоящим величием - Старшие Дети, обреченные исчезнуть в тени своих Младших Братьев, оставив только капли своей крови в жилах пришедших следом.

Уже в начале своей истории они были разделены на две или три части: 1. Эддар, которые вняли призыву Валар придти из Средиземья на Запад, и 2. Меньших Эльфов, которые не дали ответа. Большая часть Эддар проделала длинный путь до Западных Берегов и пересекла Море - это Высокие Эльфы, отмеченные большими знаниями и умениями; но были и те, кто остался на берегах Средиземья - Синдар, Серые Эльфы. Меньшие Эльфы в повести почти не появляются - только как часть народа Эльфийских Королевств (Лориена и Северного Мирквуда), управляемых Элдарами - и язык их не известен.

Высшие Эльфы, которые встречаются в книге - Изгнанники, вернувшиеся из-за Моря после событий, о которых рассказывается в Сильмариллионе; часть одного из народов Эддар: *Нолдор** (Владыки Предания).

В Сильмариллионе рассказывается о борьбе с первичной Темной Силой (Саурон был лишь одним из ее слуг), о победе над ней и о прощении Изгнанников, которые вернулись за Море. Но были и те, что остались - очарованные красотой Средиземья и желавших для него неизменности Валинора. Отсюда и создание Трех Колец, которые только сохраняли, но не творили. Хоть Саурон и не коснулся их, они все же были в его плане, и, в результате, рано или поздно подпали бы под власть Одного. Когда же Одно было уничтожено, потеряли свою силу и Три; не было больше возможности хранить земли Средиземья в застывшей красоте, и последние хранители Высокого Предания ушли.

(продолжение следует)

*Н читается *нг*, как в слове *ding*.

(окончание. Начало в ̎14)

с.488 'и соскользнул в бездну вслед за Балрогом'

Смерть и новое воплощение Гэндальфа, могут, конечно, восприниматься как прообраз смерти и воскресения Христа (см. комментарий ко 2 тому, с.142). Но в этом сюжете можно отыскать и детали, схожие с оными в мифе о Митре, культ которого был распространен во времена поздней римской империи. Митра (санскр. 'друг, защитник') - бог света, который гибнет в битве с чудовищем и снова оживает. Культ свой митраисты отправляли в подземных святилищах.

Хотя многие раннехристианские авторы считали сходство митраизма с христианством 'дьявольским соблазном', некоторые думали иначе. Св. Климент Александрийский писал: 'Мистерии есть предугадывание истины'.

Возможно, культ Митры - сохранившееся в истории эхо гибели и возвращения Гэндальфа - Митрандира.

с.504 'деревянный настил, флет ...'

Др.английское (роханское) flet(t) - зал, пол (запа).

Эльфийский флет - пол без стен, и это название к нему как нельзя более подходит.

с.519 'Зеркало Галадриэли'

Автор статьи 'Индо-иранские влияния на Толкина' (Маллорн, 19) Майкл МкКлэйн говорит, что зеркало Галадриэли похоже на магическую чашу Кей-Хосрова из персидского эпоса 'Шахнаме': 'смотря в чашу эту, Кей-Хосров мог наблюдать все, происходящее в мире и даже предсказывать будущее.' Оцените сами степень этого сходства:

...Йездану, как он завещал, помолясь
Святую его призову благодать
И чашу затем повелю я подать -
То - зеркало мира, в котором видны
Просторы любой поднебесной страны.
Я царственным предкам, великим вождям
От чистого сердца хваленья воздам
И после скажу, где Бижен дорогой -

ꝯꝰꝰꝰꝰ ꝰꝰꝰꝰ : ꝰꝰ ꝰꝰꝰꝰꝰ : ꝰꝰꝰ

Мне это откроется в чаше благой...
...Подмоги себе у Йездана просил,
Защиты от ков Ахримана просил,
К престолу царей возвратился потом,
Воссел, осиянный кейянским венцом,
И , в руки ту чашу заветную взяв,
Увидел все семь поднебесных держав.
пер. Ц.Б.Бану-Лахути

с.543 'Затем Эльфы развернули и вручили каждому принесенную одежду...'
Отзвук древнего обычая дарить одежду гостям. В 'Песне о Нибелунгах' читаем:

...
Тем временем узнала и королева Ута,
Что в Вормс на пир придут соседи и вассалы
Она достать из кладовых одежду приказала;

Блюда обычай древний и честь детей своих
Богато королева одела челядь их -
А также дам придворных без счета и числа
И в дар приезжим витязям по платью припасла.
пер. Ю.Корнеева

с.550 'Меч, хранимый в этих ножнах не потускнеет и не сломается...'

Чудесные ножны - распространенный в Средние века мотив, встречается он, к примеру, у Мэлори:

'Стал разглядывать король Артур меч свой, и очень он ему пришелся по вкусу. А Мерлин спросил его:

- Что больше Вам нравится, меч или ножны?

- Меч мне больше нравится,- отвечал Артур.

- Не угадали,- говорит Мерлин,- ибо ножны эти стоят десяти таких мечей; покуда будут они у вас на боку, вы не потеряете ни капли крови, как бы жестоко ни были вы изранены. Потому храните ножны и держите их всегда при себе '

(пер. И.М.Бернштейн).

с.592 'Одна из них постепенно сползала в воду - сама, без чьей-либо помощи...'

Ср. текст 'Песни о Нибелунгах':

Плащ-невидимка снова воителю помог
Тайком уйти на берег и там найти челнок.
Взял королевич весла, уселся на скамью,
И , словно ветром, унесло от берега ладью.

Стрелой она летела, греб Зигфрид все сильней,
Но думали исландцы, гребца не видя в ней,
Что гонит лодку ветер и только он один,
Нет, то работал веслами Зиглинды смелый сын.
пер. Ю.Корнеева

*** Том II ***

с.18 'Боромира положили на дно лодки, которая должна была стать погребальной ладьей...'

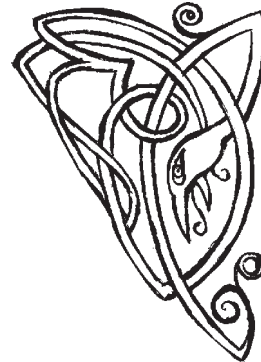

ᐱᑦᑭᑦᑭᑦ : ᑭᑦᑭᑦᑭᑦ ᑭᑦᑭᑦᑭᑦ : ᑭᑦᑭᑦᑭᑦ ᑭᑦᑭᑦᑭᑦ ᑭᑦᑭᑦᑭᑦ

Погребение Боромира очень похоже на погребальные обряды скандинавских народов. Правда, те обычно использовали большую ладью и, спустив на воду, поджигали ее.

Прямая же аналогия может быть найдена в 'Беовульфе':

Стяг златотканый
высоко над ложем
на мачте упрочив,
они поручили
челн теченьям:
сердца их печальны,
их сумрачны души.
И нет человека
из воинов этих,
стоящих под небом,
живущих под крышей,
кто мог бы ответить
к чьим берегам
причалит плывущий.
пер. В.Г.Тихомирова

с.35 'тропами эльфийских грез'

Слово 'dream' (греза) в древнеанглийском значило - 'радость, веселье, восторг, блаженство'; в др. саксонском - 'drom' - 'песня, радость'; в ср. английском 'dre:am' - 'звук, музыка, мечта'. Как видим, это очень эльфийское слово.

с.120 'Белый Всадник'

Символизм белых одежд Гэндальфа неоспорим. В Библии такие одеяния показывают праведность, чистоту носящего их. Вообще же, Белый Всадник - образ апокалиптический - один из четырех всадников Откровения Иоанна Богослова: 'Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он, как победоносный и чтобы победить' (Откр. 6:12).

Заметим, что из всех текстовых параллелей во 'Властелине Колец' библейские - самые замаскированные. И это верно - не надо понимать роман как аллгорию библейских событий.

с.257 'Короны семи королей'

'Семь Царств' - в индо-иранской традиции - идиома, буквальное значение которой - 'все царства земли' (ср. 'Семь поясов земли' и пр.). В таком значении эти слова употребляются, к примеру, в 'Шахнаме' (см. цитату в комментарии к тому I, с.519, 'Зеркало Галадриэли').

Таким образом, слова Сарумана могут быть поняты как обвинение в стремлении к мировому господству, брошенное Гэндальфу.

с.257 'Саруман, твой посох сломан...'

Жезлы (посохи) волшебников - символ данной им власти. Силу и царскую власть символизирует жезл и в Библии. Ср., к примеру, Пс 124:3 'Ибо не оставит Господь жезла нечестивых над жребием праведных, дабы праведные не простерли рук своих к беззаконию' или Иер. 48:17 'Пожалейте о нем, все соседи его, и все знающие его скажите: "Как сокрушен жезл силы, посох славы"'.

ᚱᚰᚰ ᚠᚲᚰᚰ ᚷᚰᚰᚰ ᚷᚰᚰᚰ : ᚱ ᚱᚲᚰᚰ ᚲᚲᚰᚰᚰ :

с.309 'Смеагол поклянется. На Сокровище...'

'Но Сокровище коварнее тебя...'

Ср. малопонятный текст 'Речей высокого' в 'Старшей Эдде':

Клятву Один
Дал на кольце;
Не коварна ли клятва?
пер. А.Корсуна

У готов и исландцев существовал обычай клясться на особых кольцах, хранившихся в капищах.

с.347 'Исполин мчался вперед, прямо на хоббитов...'

Здесь тоже заметно индо-иранское влияние. Во всяком случае, именно у индоиранских народов были боевые слоны. Упоминаются они и в 'Шахнаме'. Показателен эпизод, в котором Рустем убивает взбесившегося слона.

Горою ревушею слон наступал,
Праха темный, казалось, под ним закипал.
и далее:
Жаль, правда, слона! Как бушующий Нил,
Бывало, в сраженьях он грозно трубил.
Не раз он враждебную целую рать
Одним нападеньем умел разметать.
пер. Ц.Б.Бану-Лахути

с.388 'А на Востоке я не бываю никогда...'

Список имен Гэндальфа напоминает один из фрагментов 'Младшей Эдды'. Там приводится длинный перечень имен Одина из эддической песни 'Речи Гримнира', а потом поясняется:

'...большинство имен произошло оттого, что сколько ни есть языков на свете, всякому народу приходится переименовывать его имя на свой лад, чтобы по своему молиться ему и почитать его. А некоторые из имен происходят от его деяний, и об этом говорится в древних сказаниях, и тебя не назовут ученым мужем, если ты не сможешь поведать о тех великих событиях' (*пер. О.А.Смирницкой*).

Напоминает этот список и песнь 'Речи Альвиса' в 'Старшей Эдде', в которой карлик Альвис рассказывает, как называют те или иные вещи и явления природы в разных мирах.

с.403 'Мы или выполняем клятву, или погибаем, пытаюсь ее выполнить...'

Элемент, присущий средневековому рыцарскому кодексу чести. Ср. в 'Песни о Нибелунгах':

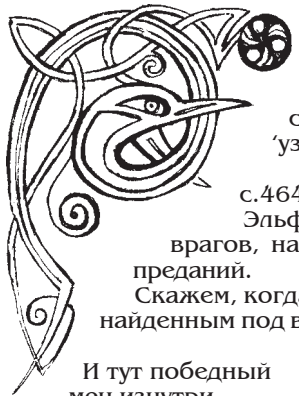
Не изменили долгу герои даже там,
Где смерть им уготовила вражда двух знатных дам.
пер. Ю.Корнеева.

с.457 'Это - единственная дорога...'

Весь эпизод с выбором пути Хранителями напоминает нам евангельский текст : 'Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие

ᚠᚠᚠ ᚠᚠᚠ ᚠᚠᚠ : ᚠᚠᚠ ᚠᚠᚠ :

в погибель, и многие идут ими; Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их' (Мат. 7:13-14).

Вопрос Фродо о единственной дороге окончательно 'завершает' эту связь. В древнеанглийском языке слово 'Единственная дорога' одновременно означает 'узкий (пустынный) путь'.

с.464 'Светящееся голубым светом лезвие...'

Эльфийские клинки, которые светятся при приближении врагов, напоминают нам множество эпизодов из европейских преданий.

Скажем, когда Беовульф отсекает Гренделю голову древним мечом, найденным под водой, происходит вот что:

И тут победный
меч изнутри
озарился светом -
так ранним утром
горит на тверди
свеча небесная
пер. В.Г.Тихомирова

Вспоминается и пир в Асгарде, на котором 'Мечи так сверкали, что там стало светло, и, пока все сидели за пиршеством, другого огня не требовалось' (Младшая Эдда, Язык Поэзии).

с.494 'Железные засовы ... медная дверь'.

Явная отсылка на текст псалма: 'Ибо он сокрушил врата медные и веревки (засовы - прим.коммент.) железные сломил' (Пс. 106:16). Становится ясно, кто, в конечном счете, помог хоббитам.

*** Том III ***

с.11 'Возвращение Короля'

Название этой книги трилогии глубоко символично. Оно сразу же вызывает в памяти множество легенд, например - о короде Артуре. Но как справедливо замечает Майкл МкКлэйн ('Индо-иранские влияния на Толкина', Маллорн, 19), 'Возвращение Короля' у Толкина означает не физическое пришествие конкретного государя, правившего в прошлом, но восстановление законной династии. Исходя из этого, МкКлэйн считает, что с образом возвращения короля скорее связано возрождение законной кейянидской династии и воцарение Ардешира Папакана в 'Шахнаме', а не артурианские легенды.

Однако, эту гипотезу нельзя считать безупречной. Так, К.С. Льюис, друг Толкина, в своей 'Космической Трилогии' совмещает обе трактовки возвращения государя.

с.21 'Город, окруженный семью каменными стенами...'

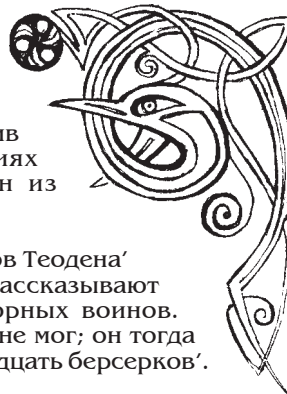
Интересно, как Геродот описывает в 'Истории' Экбатан - столицу Мидии. Город окружен семью кольцевыми стенами (правда, разного цвета) - чем меньше кольцо, тем выше стена: 'Такое устройство было достигнуто частью благодаря холмистой местности, частью благодаря искусству. Всех колец стен было семь, в последнем из них помещался царский дворец и сокровищницы' (I,98).

ᵱᵱᵱ ᵱᵱᵱᵱ : ᵱᵱᵱ ᵱᵱᵱᵱ : ᵱ

с.76 'Спасайтесь! Король Мертвых!'

Так же, как и охота Улаири за Кольцом, возглавляемая Королем-Призраком, поход мертвых под водительством Арагорна напоминает широко распространенный в европейском фольклоре мотив 'дикой охоты'. Предводителем ее в одних версиях оказывается Черный Всадник, в других - один из христианских святых.

с.96 'Впереди ехало двенадцать славных дружинников Теодена'

В дружину многих знаменитых конунгов, как рассказывают исландские саги, входило по 12 берсерков - отборных воинов. Ср., например, 'Младшую Эдду': 'Хрольв Конунг ехать не мог; он тогда воевал с саксами. Но послал он к Адильсу своих двенадцать берсерков'.

с.154 'Воздух между плащом и короной...'

В средневековой, в частности в артурианской, литературе встречается образ, похожий на 'пустого' Улаир(а). Рыцарь мог встретиться с дьяволом, принявшим вид другого воина. Когда же злой дух оказывается повержен, его противник обнаруживает, что сражался с пустым доспехом.

с.161 'Так говорил Эомер...'

Строфа, произнесенная Эомером (ка и клич Теодена) сильно напоминает вису - скальдическую строфу, распространенную в древности в скандинавских странах. Такие вису герои любили произносить при всяком удобном случае, в том числе и перед тем, как кинуться в бой.

с.173 'и выхватил меч...'

Быть может, эхо евангельского: 'Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут' (Матф. 26:52).

с.220 'В ноздрях и глазницах оскаленной морды чудовища горело пламя'

В средневековых рыцарских романах (впрочем, как и в фольклоре) такой конь мог бы изображать дракона. В одной из артурианских легенд сэра Персиваль (рыцарь Святого Грааля) сражался с Черным Рыцарем, который восседал на подобном черном коне-драконе. Это эпизод, в частности, описан в книге Дж.Ноульса и Г.Гилберта 'Король Артур и рыцари Круглого Стола' (конец XIX в.) на с.126 (Лениздат, 1994). Впрочем, образ огнедышащего коня встречается и в 'Калевале'.

с.237 'и целые армии следовали за ним...'

Искушение, перед которым оказывается Хранитель, во многом напоминает изображенное евангелистом: 'Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонись мне' (Матф. 4:8-9). Вспомним, скажем, эпизод с Фродо на Амон Хене. Этот намек на евангельский образ, конечно же, никоим образом не ставит героев 'ВК' в один ряд со Христом.

с.259 'Страна мглы'

Мордор навеивает мысли о преисподней. Ср., скажем 'Прежде, нежели отойду,- и уже не возвращусь,- в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма' (Иов 10:21-

ṬḷṣṬṣṣṣ : ḡōḡ ḡḡḡ : ḡḡḡ ḡḡḡ ḡḡḡ

22).

с.274 'Наше дело несколько упрощается...'

Это предвестие близкого падения Мордора. Ср. евангельское: 'Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то' (Марк 3:24).

с.307 'Он повернулся к северу, ... , и, подняв обе руки...'

Это весьма символично. Ср., в Библии 'И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль; а когда опускал руки свои, одолевал Амалик' (Исх. 17:11). То, что Гэндальф поднял обе руки - предвестие близкой победы.

'В христианстве руки воздевают во время произнесения особо знаменательных слов молитвы, - это - благочестивый обычай, заимствованный у царя Давида' (Полный православный богословский энциклопедический словарь, СПб, б.г.).

с.328 'Минуло уже семь дней, как он покинул Гондор...'

Семь - число очень символическое . Итак, падение Барад-Дура происходит на седьмой день похода Войска Королей Запада. Поневоле вспомнишь библейское : 'Верою пали стены иерихонские по семидневном обхождении' (Евр. 11:30).

с.336 'и ореол света окружал его...'

Ср. Том 2, с.42: 'На миг Леголасу почудилось даже, что на челе Арагорна белыми искрами засверкал королевский венец'. В индо-иранской традиции законный король обладает фарром - особым видом царской благодати, ниспосланной свыше, от Йездана (бог света) и передаваемой по наследству. На изображениях сасанидской эпохи фарр выглядит как ореол светлых лучей вокруг царской головы. Зримым воплощением фарра мог служить орел (вспомним, что именно в виде орла была сделана оправа Элессара).

с.435 'почувствовав усталость от жизни в землях смертных, они могли сесть на корабль в Серой Гавани и отплыть к берегам Закатного Края'

Говорят, что короля Артура забрали в землю блаженных, на остров Аваллон (у Толкина Аваллонэ - гавань в Тол Эрессеа).

Ср. также последние пассажи 'Калевалы'

Рассердился Вяйнемеинен,
Рассердился, устыдился,
Собрался идти оттуда
И идет на берег моря,
Распевает громогласно,
Там в последний раз запел он:
Пеньем медный челн он сделал
В медь окованную лодку.
На корме челна уселся
В море выехал оттуда.

.....
Едет старый Вяйнемеинен,
Едет с парусом шуршащим
На челне, обитом медью,
На богатой медью лодке,
Едет он туда, где вместе
Сходятся земля и небо.
Там пристал с своею лодкой,

ᚱᚱᚱ ᚿᚱᚱᚱ ᚿᚱᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱ : ᚱᚱᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱ :

С челноком остановился.
пер. Л.Бельского.

К.Толли ('Калевала и Сильмариллион', Маллорн, 15) замечает, что отплытием Вьяйне завершается эпоха героев и начинается людская; так и с отплытием последних Хранителей приходит конец Старшим Дням и начинается Эра Владычества Людей.

с.473 'дар эльфийских менестрелей, которые умеют являть взору то, о чем поют'
В эссе 'О Волшебных Сказках' Толкин писал: 'Совсем иное дело - 'Феерийская драма', пьесы, которые Эльфы, согласно многочисленным свидетельствам, часто показывали людям. В них фантазия оживает с реализмом и непосредственностью, недостижимой для грубой сценической машинерии... Если вы смотрите Феерийскую драму, то сами находитесь в ее вторичном мире. По крайней мере, вам так кажется... Вы н е п о с р е д с т в е н н о воспринимаете вторичный мир'(пер. С.Кошелева).

с.487 'Вражеские клинки и стрелы не могут причинить ему никакого вреда'
Описание Хельма здесь очень сильно напоминает рассказы о берсерках - свирепых воинах - в скандинавской традиции.
Берсерки были бесстрашны, во время битвы приходили в ярость и исступление, сила их прибывала и бытовало поверье, что, пока они одержимы, оружие не может причинить им вреда. Ходили и рассказы о том, что берсерки в неистовстве пили кровь поверженных врагов. В скандинавских сагах часты и случаи, когда мертвый воин является, наводя страх на живых. Были берсерки и в среде англосаксов.

с.494 'племени Длиннобородов'
Между прочим, лангобарды (длиннобороды) - это германское племя, вторгшееся в Италию в VI веке и в середине оно же основавшее там свое королевство. С гномами у них, конечно же, мало общего.
Эпитет 'лангобард' в одной из песен 'Старшей Эдды' (Вторая Песнь о Гудрун) прилагается к Атли (Этцелю).

с.497 'Может статься, оно еще принесет тебе новую удачу...'
Если Кольцо Нибелунгов и напоминает одно из толкиновских Колец, то только гномское. Ср. текст из 'Младшей Эдды':
'Тогда Один послал Локи в страну черных Альвов, и тот пришел к карлу по имени Андвари, жившему в реке в образе рыбы. Поймал его Локи и наложил выкуп: все золото, что тот хранил в скале. И когда они вошли в скалу, карлик вынес все золото, что у него там было, и это было огромное богатство. Тут карлик смахнул себе под руку золотое колечко. Локи заметил это, и велел отдать кольцо. Карлик молил не отнимать у него кольца, говоря, что это кольцо, если он сохранит его, снова умножит его богатство'(пер. О.А.Смирницкой).

Торин Эйкинскьялди
1995г., СПб

ᚷᚹᚳ ᚱᚱᚱ ᚰ : ᚱᚱ ᚱᚱᚱᚳᚳ : ᚱᚱᚱ

“Знание - сила” №9, 1997
Наталья Семенова

“Это не простое кольцо, а какой-то прибор!”

Многие любители творчества Толкина считают, что первый перевод “Властелина Колец” на русский язык - перевод А. Кистяковского и В. Муравьева. Однако это первый опубликованный перевод. Мы не знаем, сколько людей, прочитав эпопею о Войне Кольца в подлиннике, загорелись страстным желанием перевести ее. Мы не знаем даже, что именно побуждало их браться за перо, - наверное, это так и останется загадкой: ведь во “Властелине Колец” более тысячи страниц сложнейшего текста, полного всевозможных языковых и литературных аллюзий (причем почерпнутых в основном не из современных, а из древних европейских языков и литератур, понимание которых доступно, как правило, только хорошо подготовленному лингвисту).

Тем не менее нам доподлинно известно, что некоторые переводчики осуществили задуманное - так что “Властелин Колец” был явлен советским читателем в самиздате, получив таким образом почетный статус запретной, опасной и вредной (или полезной - это смотря с какой стороны поглядеть) книги и оказавшись в одном ряду с “Мастером и Маргаритой” и “Часом Быка”. В середине семидесятых годов несколько самиздатовских переводов начало осторожное хождение по рукам, находя все новых и новых приверженцев Толкина. (Кстати, в компьютерных сетях некоторые из переводов тех лет ходят и по сей день; ныне - увы - лишенные романтического ореола запретности, который прежде своим волшебным сиянием скрывал все вольные и невольные переводческие огрехи.)

Один из таких самиздатовских переводов был в конце концов напечатан, хотя и остался незамеченным, - это “Повесть о Кольце” З. А. Бобырь. Опубликована она была только в 1990 году, переиздана в 1991-м, но собственно перевод сделан был гораздо раньше, в семидесятых: много лет он так и пролежал в столе в виде рукописи - и рукописи весьма любопытной по замыслу и исполнению.

История этого замысла и его осуществления в данном случае так показательна, что с ней стоит познакомиться.

Первоначальный перевод принадлежал довольно известной в те годы

ЛҫҪ : Іҫҫ Тҫҫ : Іҫҫҫҫ Рҫҫ :

переводчице научной фантастики Зинаиде Бобырь. Перевод сокращенный (по сравнению с оригиналом приблизительно втрое), напоминающий скорее пересказ.

Однажды рукопись З. Бобырь случайно попала на глаза московскому инженеру Семену Уманскому, человеку очень талантливому и разностороннему, разумеется, завсегдаю московских “кухонных посиделок”. Ему книга страшно понравилась. Он познакомился с З. Бобырь и, узнав, что в текст не вошли многочисленные стихотворения, предложил перевести их. Попутно он дополнил те места перевода Бобырь, которые были у нее сокращены) и целиком перевел “Хоббита” (в рукописи “Туда и вновь обратно”), так что композиционно рукопись объединила в “тетралогию” два произведения: “Туда и вновь обратно” (“The Hobbit”) и “Повелителя Колец” (“The Lord of the Rings”) под общим названием “Повесть о Кольце”.

Рукопись перепечатали (в трех или четырех экземплярах на печатной машинке) и переплели. Мне довелось видеть третий (или четвертый) экземпляр, за что я выражаю величайшую благодарность владелице - Евгении Смагиной. Итак, перевод был сделан, но З. Бобырь все же сильно сомневаясь, что рукопись примут к изданию. Она понимала, что следует иметь веское обоснование для того, чтобы напечатать произведение иностранного (тем более английского, а значит, буржуазного) автора. Содержание романа также могло вызвать нарекания. Помимо обвинений в мистике (а в эту категорию могли попасть любые “волшебства”), Предполагаемый Цензор, конечно же, мог спросить: а в какой, собственно, империи происходит действие? И не аллегория ли это? И если аллегория, то какая? Но о том, что следует говорить в ответ на подобные вопросы, изворотливый интеллигент семидесятых годов научился думать заранее, можно сказать, инстинктивно.

Попытки выдать “Властелина Колец” за аллегория делались с самого момента выхода книги в печать (в 1954 году) и делаются по сей день. К сожалению, с этой, аллегорической точки зрения Толкина всегда трактуют однозначно. Могут отослать читателя к публикации в “Независимой газете” (от 30.01.97), где противостояние Врага на востоке, и свободного мира на западе сравнивается с противостоянием “либерального Запада и тоталитарно-коммунистического Востока”, а порядки, которые устанавливает в Шире захватчик-Саруман, прямо названы социалистическими. Неудивительно: всю выращенную на полях пищу отбирают “сборщики” и “раздельщики” для “справедливого распределения” (которого, конечно, не происходит); всюду развешаны запрещающие правила и предписания; все иноземные путешественники должны являться в дом ширрифов (местных блюстителей порядка) и объяснять, зачем пожаловали; инакомыслящие и правдолюбцы наказываются, для их выявления используют доносчиков. Все это слишком узнаваемо, чтобы Предполагаемый Цензор, как и автор цитируемой статьи, не смог сделать вывод: “Властелин Колец” - в том числе и “политический памфлет, где Толкин зашифровал противостояние коммунистической Тьмы Востока и свободного Запада и предрек неизбежное падение Мордора и его реального земного аналога - Советского Союза!”¹ (2, 8). Надо ли говорить, что подобную книгу не пропустили бы в печать, и потому “Повесть о Кольце” несет на себе следы “идеологической чистки”. Например, Бобырь вообще убрала описание сарумановых порядков, оставив две-три расплывчатые фразы. Можно предположить, что переводчице решила в какой-то момент представить эпопею

Толкина как детскую сказку. Именно такое впечатление производит опубликованный (первоначальный) вариант из-за большой доли сокращений и упрощенного, а местами вольного пересказа сюжета. Но полный вариант (в соавторстве с С. Уманским) выглядел по советским меркам подозрительно и требовал иного подхода.

В запасе у переводчицы была еще одна идея - подать книгу Толкина как научную фантастику. Для этого Бобырь придумала "интермедии", которые, к счастью, так и остались лишь в рукописи. В общих чертах замысел их был таков.

Рукопись "Повести о Кольце" открывалась двумя письмами, написанными от лица Толкина и от лица его друга. Толкин в письме ("к читателям") сообщал, что "получил рукопись и сопроводительную записку" от своего друга, который "работал в Институте проблемных исследований в Дербишире". Друг, в свою

очередь, писал Толкину, что "в силу невероятных обстоятельств нам, пятерым, довелось участвовать в одном эксперименте, окончившемся для нас... плачевно. Мы оказались обладателями совершенно фантастической информации". Здесь "мы" - это Инженер, Физик, Химик, Кибернетик и Координатор, герои лемовского "Эдема".

Далее следует первая "интермедия". Инженер демонстрирует друзьям свою находку, которую "извлекли из скважины ° 5" вместе с базальтовым керном, который предстояло испытать на плавкость. "Мы расплавили керн. И вдруг расплав забурлил, и мы увидели, что на поверхность что-то всплыло. Оказалось - вот это кольцо". Нетрудно догадаться, что это было то самое Кольцо, так хорошо знакомое читателям "Властелина Колец".

Исследуя его свойства, герои помещают кольцо в электроэрозионный аппарат и воздействуют на него "искрой высокого напряжения". Внезапно "яркая вспышка заставила всех вскрикнуть (...). Словно какое-то внутреннее озарение испытал при этом каждый участник эксперимента, "увидел и узнал сразу очень многое, оно было связано с кольцом". Повторяя эксперимент снова и снова, герои "вспоминают" историю кольца и записывают ее, "поправляя и дополняя друг друга". Попутно они приходят к выводу, что кольцо - "это не простое кольцо, а какой-то прибор", а именно "хранилище информации, которую оно отдает под воздействием искры", а также пытаются "объяснить с точки зрения современной науки" чудеса, магию и волшебство в "Повести о Кольце". Эти объяснения призваны были показать, что "у писателей-фантастов найдется гораздо больше необъяснимых мест, чем здесь" и что "Повесть о Кольце" может "по крайней мере приблизиться к научной фантастике, к которой мы все уже привыкли".

Чтобы дать представление о стиле "интермедий", приведу несколько цитат: "...Нуменор или Вестернесс может быть вообще другой планетой. Пришельцы из-

የጽሑፍ ህይወት ህግ : ገጽ ፭ ከገጽ : ፳

за Моря - инопланетные пришельцы...

...Понятны и заклинания, - добавил Кибернетик. - У нас тоже есть приборы, управляемые голосом. Механизм Врат Мориа - это нечто вроде реле...

...А огненный жезл Гандальфа - это разрядник, - добавил и Физик. - Искровой или коронного типа".

Довольно много места в "интермедиях" занимают рассуждения героев о несомненной реальности, или же, наоборот, фантастичности истории Кольца. "Это самое настоящее историческое повествование, хотя оно и кажется нам необычайным" (мнение Химика). Ему возражает Координатор: "Если нам встретится еще что-нибудь, чего вы не сможете объяснить, я буду считать всю эту историю сказкой и фантазией; (...) Талисманы, духи, заклинания... кто примет это всерьез?".

Эксперимент с кольцом для героев "интермедий" заканчивается трагически. При попытке (с помощью усилителя напряжения) узнать, существует ли "между нами и нами... какая-нибудь связь или родство", произошла "ослепительная беззвучная вспышка". Аппарат сгорел, и кольцо также оказалось уничтожено "разрядом предельной силы... словно превратив все его атомы в излучение, рассеявшееся в пространстве".

Конечно, цели у создателей "интермедий" были самые благие. Пытаясь представить "Повесть о Кольце" в качестве научной фантастики - в обрамлении "чисто фантастической" истории об экспериментах с кольцом, авторы тем самым надеялись облегчить появление эпопеи Толкина в печати. Оригинальная, но, увы, наивная затея результатов не дала. Напечатать Толкина в конце семидесятых не удалось даже в таком варианте.

Наверное, интересно представить себе, что было бы, если бы перевод З. Бобырь и С. Уманского был все-таки издан первым? В особенности, если бы он был издан вместе с "интермедиями". Скорее всего, Толкин занял бы у нас прочное место среди писателей-фантастов, и попытки научного объяснения вымышленных чудес некоторое время тревожили бы многие пытливые умы.

Однако в опубликованном варианте "Повести о Кольце" нет никаких следов научной фантастики; он напоминает, как уже говорилось, детскую сказку. По всей видимости, З. Бобырь смущало то, что она не могла отнести эпопею Толкина ни к одному известному ей литературному жанру. И нужно сказать, добиться жанровой определенности переводчице вполне удалось: как стилистическими средствами (простотой и незамысловатостью изложения), так и своеобразной переводческой "редактурой" текста: со- гласно требованиям волшебной сказки, все герои повествования представлены схематично, а поведение их явно оценивается (переводчиком) - причем либо однозначно хорошо, либо однозначно плохо. Ключевым же признаком "сказочности"

ᑲᓄᓄᓄ ᑲᓄᓄᓄ : ᓄᓄᓄ ᓄᓄᓄ ᓄᓄᓄ : ᓄᓄᓄ

является любопытное сюжетное добавление от переводчицы к оригинальному тексту: история испепеляющего венца, которой у Толкина нет. Вкратце она такова.

По словам Гандальфа (глава 8, "Через горы"), Серебряный Венец "...это одно из величайших сокровищ, привезенных Пришельцами из-за Моря. Кто посмеет возложить его на свое чело, тот получит всеведение и величайшую мудрость, либо.. либо будет испепелен на месте, если недостаточно подготовился к этому". Саурон, в руки к которому попал Венец, по всей видимости, еще "недостаточно подготовился", поскольку "знает, что не смеет коснуться его, пока не вернет себе Кольцо" (3, 67). Конечно, конец этой новой сюжетной линии традиционно счастливый: выиграв войну, Арагорн возвращает Венец себе и использует его при коронации; таким

образом, все вписывается в толкиновский сюжет, хотя переводчица некоторое время держит читателя в известном напряжении: сгорит или не сгорит Арагорн?

История испепеляющего венца - необходимая часть сюжета волшебной сказки, где главный герой с помощью волшебного предмета (или волшебного существа) совершает удивительные подвиги и в конце концов получает награду: красавицу-жену, волшебное царство, богатство и тому подобное. В трактовке Э. Бобырь главным героем сказки оказывается Арагорн, остальные персонажи - его волшебные (как Серебряный Венец) или не волшебные (как Гандальф и хоббиты) помощники. Фродо же отводится довольно скромная вспомогательная роль в сказке про Арагорна, чему находим подтверждение в тексте Э. Бобырь (опять-таки в толкиновском оригинале ничего подобного нет): "Теперь вы видите, Фродо, как много значите для Арагорна вы и ваша миссия, - говорит ему Гандальф, - все, что он делал и еще сделает для вас, - это только путь к его цели. А эта цель - Серебряный Венец, сокровище древних правителей Гондора" (3, 67-68).

Другой интересной особенностью "Повести о Кольце" является своеобразное всеобщее "равенство" персонажей, отсутствие "высших" сил, иными словами, богов. Этот пункт Э. Бобырь считает "...одной из самых своеобразных черт Среднего Мира: при общем высоком морально-этическом уровне, он совершенно безрелигиозен. В нем нет никаких божеств - ни добрых, ни злых; даже Саурон, несомненно сатанинский по характеру и функции (недаром его имя напоминает о Змее), не всемогущ и не бессмертен. Нет ни молитв, ни каких бы то ни было культовых действий: обращаясь к Огнемраку на мосту Хаазад-дум в Мориа, Гандальф говорит с ним от своего имени, а не от имени какой-либо высшей силы. А обряд, выполняемый перед трапезой Фарамиром и его воинами, похож больше на акт учтивости, чем на культовый акт. Противники Саурона черпают силы для борьбы с ним в себе самих, а не в общении с каким-нибудь потусторонним миром... Нет здесь и таких элементов религии, как понятие о грехе и загробном воздаянии"

(1, 187).

Трудно предположить, на чем основывалось это мнение переводчицы, которое так разительно противоречит литературным и мировоззренческим идеям Толкина, что раскрываются во “Властелине Колец”. Возможно, здесь сыграло свою роль то, что и в сказке, и в фантастическом романе присутствие богов по советским меркам нежелательно. А может быть, сказалось незнание “Сильмариллиона”, который к моменту создания “Повести о Кольце” еще не вышел из печати даже на языке оригинала. Действительно, никакой обрядности, никаких культов у Толкина не описано². Но, например, в той самой сцене, где, по словам Бобырь, Гандальф говорит с Огнемраком (у Толкина ему имя - Балрог) “от своего имени”, он как раз называет себя служителем светлого пламени Анор, а Огнемрака - мраком Удуна, хотя значение этих имен становится ясным только из “Сильмариллиона”: “Анор” - Солнце, плод благословенного Древа Лаурелин, а “Удун” или “Утумно” - подземная крепость, которую некогда воздвиг предшественник Саурона, Моргот. Да и обращение к Эльберет, несомненно, является именно обращением “к высшей силе” и к тому же оказывается действенным. Хотя известные стихотворные строки “эльфийской молитвы” А Эльберет Гильтониэль отсутствуют в опубликованном варианте “Повести о Кольце”, о самой Эльберет говорится, что “это было имя таинственной Повелительницы Эльфов на их Блаженных Островах за Великим Морем” (3, 15) и даже сохранены все эпизоды, где Фродо и Сэм несколько раз взывают к ней; правда, здесь в тексте сделано любопытное добавление (в цитате оно выделено курсивом). Перед нападающей Шелоб “громко произнес он (Фродо) несколько слов на языке Эльфов; и он сам не понимал этих слов, и не знал, что отныне они создают внутреннюю связь между ним и Эльфами Лориена” (3, 276). Чуть дальше по тексту Сэм, “как недавно Фродо, произнес, сам не понимая их, те слова, которые создавали связь между ним и обитателями Лориена” (3, 306). По всей видимости, это попытка объяснить действенность имени Эльберет внутри самого повествования, хотя можно видеть, что позиция переводчицы непоследовательна. Например, никак не объясняется, почему при нападении Черных всадников на Фродо, по словам Арагорна, “больше, чем оружие, помогло ему имя Эльберет” (3, 35), ведь в Лориене герои еще не побывали...

Но давайте все-таки оценим по достоинству благородный порыв и кропотливый труд переводчиков. Ведь двигало ими не желание “напечататься”, “иметь публикацию”, а стремление познакомить с миром Толкина своих друзей и друзей своих друзей, и просто всех хороших добрых людей, которые пока не знают о нем. И надо сказать, этот самиздат нашел своего читателя и послужил сей

ᐃᐅᐅᐅᐅᐅ ᐅ :: ᑲᐅᐅᐅᐅᐅᐅ ᑲᐅᐅᐅᐅᐅᐅ :

достойной цели - распространению Толкина в России.

¹ Забавно, что английские обозреватели "Властелина Колец" описанное Толкиным положение дел в Шире после Войны Кольца трактовали совершенно иначе. Толкин пишет об этом в авторском Предисловии ко второму английскому изданию "Властелина Колец": "В моей книге нет ничего аллегорического, так же, как нет ничего злободневного, соотносимого с сегодняшним днем... Некоторые предположили, что в главе "Очищение Ширы" я отразил положение дел в Англии, существующее в то время, когда я заканчивал книгу. Это не так. Я задумал написать эту главу с самого начала. В своем окончательном виде она отличается от того, что было задумано, - мне пришлось несколько изменить ее с учетом характера Сарумана. Но должен сказать что никакого аллегорического значения и никаких политических намеков в ней нет". - Прим.: **Наталья Прохорова.**

² Толкин в нескольких своих письмах объяснил, почему это так. "Конечно, "Властелин Колец" - труд глубоко религиозный и католический: это не совсем очевидно на первый взгляд, но ощутимо при повторном прочтении. Вот, почему я не оставил в воображаемом мире практически ничего, что могло бы как-то соотноситься с "религией", то есть с культом и религиозной практикой. Ибо религиозный элемент входит непосредственно в ткань самого повествования ив его символику" (из письма к Р. Мюррею). "единственный упрек (в адрес "Властелина Колец"), который раздражает меня, - это утверждение, будто "там нет религии" ... Там - монотеистический мир "естественной теологии". Столь необычный факт, как отсутствие там церквей, храмов, религиозных ритуалов и церемоний, - всего лишь особенность конкретных и исторических обстоятельств, описанных в книге" (из письма к американским издателям Houghton Mifflin Co.). "Художественное повествование - не место для развернутого обсуждения мифологических установок... Я специально свел все, что касается "высших материй", к едва различимым намекам, заметным лишь самым внимательным из читателей, или оставил в виде неразъясненных символов... Присутствие Господа и "божеств", Владык, или Стихий, Запада, едва различимо... лишь в таких сценах, как, например, нуменорский обряд молитвы перед трапезой, исполняемый Фарамиром" (из наброска письма к Мюррею). - Прим.: **Наталья Прохорова.**

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бобырь З. А. История - сага - поэзия // Сверхновая американская фантастика, дек. 1994. - С. 178-196.
2. Слепцов И. Космос Толкина // Независимая газета, 30.01.97.
3. Толкин Р. Р. Повесть о Кольце: Роман в трех частях / Пер. с англ (в сокращении) З. А. Бобырь. - М.: СП Интерпринт, 1990.
4. Толкин Д. Р. Р. Повесть о Кольце / Пер. с англ. З. Бобырь С. Уманского (Рукопись, Москва, 1975-1978).

Электронный вариант статьи находится на "Арде-на-Куличках", в разделе "Архивы Минас-Тирита". : <http://kulichki.rambler.ru/tolkien/>

ᚢᚷᚢᚳᚢ ᚱᚱᚱᚱᚱᚱ ᚱᚱ ᚳᚢ : ᚱᚱ ᚳᚱᚱᚱ ᚳᚳ

М.Каменкович

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

(окончание. Начало в ^{оо}10-14)

За недостатком места мы не можем здесь подробно остановиться на одной из связанных с изложенной выше концепцией основных тем Толкина, трактовка которой отчасти ставит его в оппозицию “строгой” католической доктрине (если считать ее представителем, например, Данте) и объединяет с ранними отцами Церкви: это тема судьбы “праведных язычников” и их спасения, которую Толкин склонен был толковать в сторону, благоприятную для “праведных язычников”, возражая тем самым другому уроженцу Британских островов - Алкуину, богослову VIII века, полностью отрицавшему возможность их спасения. “Quid Hinieldus cum Christo?” - “Что общего у Ингельда с Христом?” - так звучит знаменитый риторический вопрос Алкуина, подразумевающий, что, конечно же, у древнего скандинавского короля не может быть равным счетом ничего общего с Христом и удел Ингельда - вечное пламя. Полемизируя с Алкуином и его школой, Толкин дает своему главному герою, во многом символически отразившему образ самого Христа, имя злополучного отца Ингельда, которого так невзлюбил Алкуин: Фродо (Фроти). В отличие от яростного и мстительного Ингельда, Фроти (живший во времена Христа!) может считаться примером “праведного язычника”. Толкин полагает, что древние мифы содержали некоторый отблеск Истины, и создает в своей творческой “лаборатории” экспериментальный дохристианский мир, где полностью отсутствует идолопоклонничество и другие неприятные черты, присущие историческому язычеству, более того, многим народам в этом мире дано откровение о Едином боге. “Язычники” Толкина мудры, благородны и с гневом отвергают какое бы то ни было служение демонам и языческим богам. Тем самым Толкин как бы задает Алкуину вопрос: “А как насчет ТАКИХ язычников?” В своей знаменитой лекции о древнеанглийской поэме “Беовульф” Толкин назвал жалость и уважение к лишенным света истины праотцам “непреходящей ценностью”. Р. Муррэй обозначает позицию Толкина по этому вопросу следующим образом:

ԿՏԹԼՈՒՌ Ի ՀԻՅ ՀՇՇՐՈՒՌ • ՔՂԹԹԹԹ

“Если человек, никогда ничего не слышавший о Евангелии, признает благородство человека, жертвующего жизнью ради ближнего, и сам поступает так же, то благородство его поступка никак не уничтожается тем фактом, что Сын божий явился в мир, чтобы сделать то же самое, и не ради какого-то одного своего друга, а ради всех нас. Я слишком мало знаю, чтобы настаивать на истинности того, что сейчас скажу,

однако по моему впечатлению, строгий кальвинист сказал бы, что поступок язычника не может быть совершен под воздействием спасительной благодати, поскольку он еще не слышал Евангелия. Однако св. Иустин, раннехристианский философ и мученик, веровал иначе: он считал, что благодать божия уже действовала в таких людях, как, например, Сократ. А Евсевий Кесарийский все свое “Приуготовление к Евангелию” построил на этой идее. Я считаю, что Толкин сотворил свой воображаемый мир, основываясь на идее “предваряющей” Божьей благодати, в нем действующей, - именно потому, что он был католиком, но не принадлежал к ультра-кальвинистам; однако можно сказать также, что в решении этого вопроса он был истинно православным”.

Третий уровень рассмотрения проблемы - уровень культурных мифов и парадигм, укорененных в католичестве. Говоря об отражении таких мифов в творчестве Толкина, приходится, правда, помнить, что собственно к католичеству они имеют не так уж много отношения и принадлежат скорее западной культуре в целом. На этом уровне “урожай” отличий, естественно, достаточно обилен. Приведем здесь лишь три примера, достаточно характерных и играющих заметную роль в структуре “Властелина Колец”.

Прежде всего это идея разделения светской и духовной власти, выраженная в противостоянии наместника на земле верховного архангела Манвэ - волшебника Гендальфа и наместника короля - Денетора. Не пожелавший в гордыне своей признать полномочий Гендальфа Денетор бесславно погибает “в грехе”, признавший же власть Гендальфа король Теоден находит славу и навечно обретает доброе имя в потомках. Кроме того, персонаж, обладающий духовной властью и авторитетом, но готовый их поставить на службу Силе как таковой (волшебник саруман) терпит у Толкина полный нравственный крах. Следует, правда, отметить, что “духовная” власть у Толкина является подлинно духовной, то есть, основана только на любви: у Гендальфа в подчинении всего-то один конь, да и тот слушается его только потому, что сам этого хочет. Элемент принуждения в этой власти полностью отсутствует, хотя по некоторым эпизодам можно догадаться, что Гендальф достаточно силен, чтобы подчинять чужие воли, - зато отчетливо читается идея жертвенности (Гендальф жертвует жизнью ради спасения отряда, который ведет опасной дорогой через подземелья Мории). Более того, друзья Гендальфа обращаются к нему без малейшего пиетета и церемонности, - сам же он, наоборот, считает нужным выказывать знаки почтения по отношению к земным властителям. Таким образом гендальф, по выражению

ᚱᚢᚳᚢᚰᚢᚰ ᚱᚢᚳᚢᚰ : ᚢᚢᚰᚢ ᚱᚢᚰ ᚱᚢᚰ

одного из исследователей, "основная пророческая фигура" у Толкина - совсем не похож на папу римского! Более того, о противостоянии двух властей речь идет только во "Властелине Колец", в то время, как в "Сильмариллионе" короли эльфов обычно совмещают в себе и "светскую" и "духовную" власть, а после ухода Гендальфа Король Гондора принимает на себя одновременно и жреческие функции.

Второй пример более безусловен, однако менее индивидуален, являясь общим местом всей западной культуры. Это тема Quest'a (в русском переводе "дела" или "миссии", однако на самом деле на русский язык этот термин непереводим). К. Дюрье в своем справочнике по книгам Толкина определяет quest как путешествие с определенной целью (в символической, особенно в рыцарской литературе). Quest - это и путешествие Персифаля в поисках Грааля, и поиски Гавейном Зеленого Рыцаря с целью исполнить данное Рыцарю обещание ради спасения чести Артурова двора, и - в древнеанглийской поэме - поиски сэром Орфео своей унесенной эльфами жены. "Жизнь и жизненный опыт имеют характер путешествия, - пишет Дюрье. Христианские возможности quest'a <как образа жизненного пути свободного человека> были исследованы Томасом Мэлори в "Смерти Артура", Джоном Бэньямом в "Путешествии пилигрима" и т.д. <...> В сказаниях Средьземелья множество героев совершают свой quest <...> Для Толкина совершенной моделью quest'a является миссия Христа, который сошел к людям, чтобы пройти свой путь до крестной смерти и повернуть назад ход времени, воскреснуть из мертвых". В некотором роде, всякий quest - это модель жизненного пути Христа. В подлинном своем виде quest - это христианский подвиг, и удаётся он лишь тому, кто призывает на помощь Бога.

Однако Дюрье не называет здесь одной важной особенности quest'a, а именно - не определяет роли, которую играет в нем свободный выбор, свободное решение героя. Место quest'a в русской православной (да и фольклорной) традиции занимает "послушание" - путь во исполнение повеления, данного светским властителем или духовным наставником. Так царь посылает Ивана за жар-птицей. Символический характер такого путешествия и символический характер случающихся с героем по пути превращений роднит его с quest'ом, однако элемент личного выбора задачи здесь исключается, исключаются и те опасности, которые из такого выбора следуют. Не выбирая себе пути, русский герой получает дополнительные гарантии успеха и защиту от темных сил, западному же герою такие гарантии дает лишь правильная постановка цели и призывание имени Божия. Полное согласие православного и фольклорного мироощущения в данном случае заставляет задуматься - что здесь первично, монашеская традиция, просочившаяся в фольклор, или национальный характер, совпавший с монашеской традицией и распространивший ее тем самым на все русское общество? Так или иначе, традиция "quest'a" и "послушание" удачно вписываются в глобальное шпенглеровское противопоставление западного "фаустовского" мироощущения и восточного "магического, коллективного". Зато герой quest'a не несет дополнительных обязательств перед пославшим его лицом, кроме разве только нравственных. "Послушание" встречается, конечно, и в западной литературе - например, если не уходить далеко от Толкина, у К. С. Льюиса, в сказке нарнийского цикла "Серебряное кресло", где дети - герои сказки должны

выполнить наказ льва Аслана (Христа), пренебрегая всеми внешними препятствиями и возможностями выбрать иной путь, который, по видимости, прямее привел бы к намеченной цели. У Толкина таких примеров почти нет. В русской же литературе, если иметь в виду литературу христианскую, примеров quest'a исчезающе мало - да и если встречаются, то герой воспитан на западной культуре, как Пьер Безухов, собиравшийся по собственному почину убить Наполеона (как мы помним, из такого своеволия ничего не вышло). Таким образом по этому вопросу Толкин резко расходится с православной

традицией, и, пожалуй, на его приверженность quest'у вполне можно поставить ярлык "Осторожно - сделано у католиков". Однако русский читатель уже не первый век знаком с особенностями западной героико-приключенческой литературы, и у Толкина нет никакого приоритета в этом вопросе.

Явственно "католическим" следует признать и отчетливо выраженное как в книгах Толкина, так и в его письмах почитание у ч е н о с т и как христианской добродетели, а изучение окружающего мира - как одного из способов славить Бога. Толкин последовательно не отделяет чисто духовного, добытого в молитвенном усилии, знания от знания, полученного с помощью освященного молитвой размышления. При всей невозможности признать эту позицию чисто "католической", нельзя и не видеть, что противопоставление православной культуры как исторического образования и культуры католической по этому признаку настолько второстепенно, особенно в обыденном сознании, что давно уже сделалось общим местом. Не вдаваясь в дискуссии по этому поводу, замечу еще только, что и на "третьем уровне" можно при желании найти немало черт, роднящих Толкина именно с православной культурой - иногда даже скорее, чем с католической. Так, под эту категорию подходит концепция "освященной" и "лишившейся благодати" материи мира, для Толкина одна из основополагающих (и явившаяся откровением для западного читателя ко времени появления книги). За Православием традиционно принято числить и тему размышлений над местом человека и стихий в сотворенном Богом космосе и над отношением самого Космоса к Богу. В одной из своих бесед митр. Антоний (Блум) говорит: "... мне кажется, что, кроме православия, ни одно вероисповедание на Западе не восприняло космичность воплощения и славу, которая открылась для всей Вселенной через воплощение Христово". По Блуму, западные исповедания сконцентрированы на значении воплощения для души человека, в то время, как "самый маленький атом или самая великая галактия в Нем узнаем самое себя во славе". Если это и так, то Толкину удалось изменить эту традицию.

Таким образом, нам удалось отчасти заглянуть в недра "троянского коня", оставленного посреди главной площади Илиона, и отчасти рассекретить содержимое. Теперь мы можем с уверенностью утверждать, что "эксклюзивно католического" содержания в книгах Толкина и особенно во "Властелине Колец" весьма и весьма немного. Скрытая в текстах Толкина богатая христианская

ṙṙṙṙṙṙ ṙṙṙṙṙṙ : ṙṙṙ ṙṙṙ ṙṙṙ

символика в “лучшем” случае содержит полемику с протестанским истолкованием тех же символов, однако полемику эту с реформацией Толкин ведет по тем же огненным рубежам, что и православие. Более того, огромная часть собственно религиозного и религиозно-культурного подтекста “Властелина Колец” (не говоря уже о “Сильмарилионе”) промыслительным образом знакомит Россию с ее же **собственным** и в *основном хорошо забытым* достоянием, являя его в прикровенных, однако несравненно более широко доступных формах, нежели прежние. Опубликование богословских и

и экклезиологическких писем Толкина, что, надеюсь, не за горами, могло бы принести плод узнавания читателями истинного имени того, что они успели инстинктивно полюбить как свое, и закрепить за книгами Толкина имя христианской литературы универсального значения.

Таким образом оставаясь “троянским конем” в любом жанре - в фэнтэзи как носитель взрывоопасной для этого жанра серьезности и компетентности, а также христианских ценностей, в детской литературе - как носитель вполне взрослых проблем, в жизни - провоцируя читателя примерить на себя маски, символизирующие добро и зло, и столкнуть их в построенной по сценарию мифа мистерии (не об этих ли мистериальных действиях по всей Руси Великой мечтал некогда Вячеслав Иванов? Если так, то его мечта исполнилась под видом “Региональных толкиновских игр”, которых в России проходит ежегодно три-четыре), в атеистическом советском обществе - как проповедник Благо вести, в замкнутых православно-националистических образованиях - призывом преодоления “замкнутости” и вестником духовного единения с католиками. Не случайно призыв к терпимости и любви между предельно разными расами, существами, взглядами на мир - одна из сквозных тем у Толкина. Та роль, которую втайне (по смирению) примерял он себе сам - роль Эарендила, вестника Истинного Света и Надежды на Помощь Свыше в омраченном богоборческом мире, в России, через много лет после его смерти, вдруг приросла к нему накрепко и совпала с ним, а его книги обрели совершенно новую судьбу, сделавшись - как многие книги в России - больше, чем просто литературой. Разумеется, надо помнить и о том, что содержимое троянского коня беззащитно перед троянцами, особенно когда его смысл - не война, а любовь. В том, что Промысел использовал книги верного католика, как средство к достижению нового единства, нет никакого насилия над автором - известно, что сам Толкин к идее сближения христианских церквей (пусть даже в их числе окажутся протестантские) относился положительно. “Я замечаю в себе симпатию по отношению к тенденциям, которые “экуменичны” в строгом смысле этого слова, а именно - связаны с другими группами христиан или с церквями, называющими себя (а часто и в действительности являющимися) христианскими, - пишет Толкин. - Мы бесконечно много молились о воссоединении христиан, однако пока трудно увидеть, как оно может произойти, если мы задумаемся над способами его осуществления и над тем, могут ли они

Ḥōḇṛān :: | ṙ ṙṙḥ ṙṙṙṙ ṙṙṙṙ :

быть иными, нежели теперь - со всеми их неизбежными мелкими нелепостями <...> Милосердие покрывает множество грехов. Есть (разумеется!0 на этом пути и опасности, однако предводитель такого воинства, как Церковь, не может позволить себе запереть всех своих солдат в крепости и не выпускать наружу. Эта тактика будет иметь такие же последствия, какие имела на линии Мажино”.

В заключение этого небольшого экскурса, скорее информативного, нежели собственно исследовательского, хотелось бы добавить, что материал всегда открывается работающему с ним исследователю в зависимости от того вопроса, который этот исследователь ему задает. Вопрос о расхождении Толкина с православием следует признать для работы с текстами Толкина не самым плодотворным. При ответе на него то, чем ценен Толкин именно как христианский писатель, и то, чем ценен его индивидуальный апостолат, остается во многом в тени, на свет же выходят вещи в значительной степени второстепенные, пусть и не лишённые некоторого интереса. Поскольку сама постановка вопроса порождена не столько сухим научным интересом, сколько не вполне здоровой ситуацией, сложившейся в России и в отношениях католиков с православными, поневоле чудится, что в ней содержится нечто неправильное и даже, возможно, оскорбительное по отношению к автору - чего можно было бы избежать, рассматривая этот вопрос только в качестве дополнения, например, к рассказу о древнеанглийских корнях богословия Толкина. Для России “троянский конь” Толкина явился великим даром, сумев пробудить к духовному размышлению целое поколение молодежи, разочарованной во всем. Что ей предлагалось прежде, - уже одно это могло бы послужить основанием для отказа “заглядывать в зубы” этому подарку. Подытоживая свои размышления о “католичестве” Толкина и его книг, Р. Муррей пишет:

“Для меня то, что ныне объединяет католиков и православных и делает эти два исповедания по существу одной верой, несравненно шине, нежели то, что нас формально разъединяет; и я не позволяю этим различиям властвовать над моим разумом”.

А ведь “живую воду” из этого источника пила и пьет не только молодежь. Однако “маргиналов”, “незаконными” путями оказавшихся в центре внимания, судят обычно весьма придирчиво. Из Назарета может ли что доброе быть? - недоверчиво вопрошают благоверные. Повторяемость этого вопроса - уже достаточный повод, чтобы смириться с ним и с кротостью ответить вопрошающему на его же собственном языке - ибо так завещано от апостолов и самого Господа, тоже испытавшего когда-то на себе судьбу “маргинала”, завещанную Ему самим Его рождением в овечьем хлеву...

февраль - март 1994г.
Санкт-Петербург.

СРЕДИЗЕМЬЕ
ТЭДА НАСМИТА

(перевод Моргул)

Тед Насмит работает в Канаде, в городе Торонто, где проживает с женой Донной и детьми: Колином, Майклом и Шерин. Как художник он делит время между архитектурой и самыми разными видами иллюстраций. Именно благодаря иллюстрациям к произведениям Толкина он стал широко известен. Среди прочих его увлечений - пение, сочинение песен и коллекционирование книг: "большой частью очень хороших."

Любовь к книгам Толкина всегда вдохновляла Тэда Насмита. Первые иллюстрации к "Властелину Колец" он создал в пятнадцать лет, под впечатлением от первого прочтения книги. После многих предварительных эскизов художник брался за создание очень подробных и тщательно проработанных рисунков. Первая крупная работа называлась "Неожиданные гости", (1972год) сделана была темперой. На ней были изображены Гендальф, Бильбо и гномы, склонившиеся над древней картой Эребора. Получив поддержку он продолжил рисовать иллюстрации к произведениям Толкина. Более десяти лет он работал "для себя", отдавая Средиземским рисункам все свое свободное время. На многие иллюстрации уходило по много месяцев, особенно долго длилась работа над "Ривенделлом", тщательно прорисованным обширным и величественным ландшафтом, который является более детализированной и прорисованной переработкой одноименной акварели самого Толкина. Однажды он принес свои работы в издательство "George Allen & Unwin Ltd" и скоро они появились на страницах толкиновских календарей за 1987, 1988, 1990 и 1992 года.

Сам Насмит рассказывает : "Когда я начал иллюстрировать Толкина , я чувствовал себя очень гармонично и мне хотелось отобразить этот мир, эту историю, выразить дух толкиновских произведений, пусть и в моей интерпретации. Я обнаружил, много схожего с моим собственным стилем, иронией, что позволило мне зрительно передать шедевр Толкина. Эта работа захватила меня настолько, как будто это был мой собственный мир. Его печаль, горькая сладость, сгущающийся мрак, свет, слава, тайна и великолепие захватили меня. Точно также, как его широта и глубина, достоверность, благородство и, возможно, в целом, волшебность и "северность", как выразился К.С. Льюис.

Любовь Толкина к языкам и древней истории подобна радости ребёнка, получившего подарок - и это чувство отзывается в родственных душах."

Wespa þora þora þora
206. racyi beca, þyðip þyð
Liz, cesiqip 206. þe Liz, þyð
20 jca. Li Cibpa þyðip upa
Liz þe raiqoq þeþas 200pa
ipa 206 Liz, 206pa Lip þyðip
206 þe zebas. þyca Liz þyð
þe þyðip þe zoca þyðip 206
þe þe zopas: up qeþa 206
þyðip þe þyðip þyðip þe
206; þyðip þora. Lip þyð
Ley - 206 Li zep 206 þyð
206 þe zopas þyðip þyðip
þyðip þe þyðip. 'Lē! þe
þe þora þora. Lip þyð
þe þyðip' þyðip þe þyðip
þyðip. 'þyðip þe 206 þyðip,
þyðip þyðip þe þyðip þyðip
þyðip 206 þyðip, þyðip
þyðip þe þyðip, þyðip